

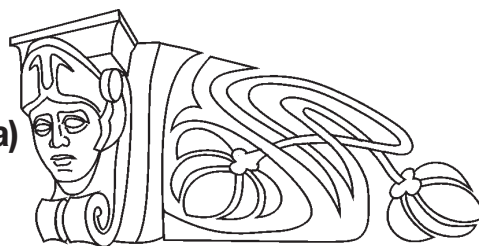

УДК 9(470)«1887/1941» + 929 Чернов

1928 ГОД В СУДЬБЕ ПРОФЕССОРА СЕРГЕЯ НИКОЛАЕВИЧА ЧЕРНОВА (к истории одного университетского конфликта)

В. А. Соломонов

Саратовский государственный университет,
кафедра истории России
E-mail: Solomonovva@mail.ru

В статье на основе широкого круга как опубликованных, так и впервые вводимых в научный оборот архивных источников раскрывается трагическая участь профессора С. Н. Чернова (1887–1941). В 1928 г. в силу своих высоких человеческих и нравственных качеств он одним из первых оказался на линии партийно-идеологического огня против «буржуазной» вузовской интеллигенции. В итоге необузданной травли выдающийся ученый и педагог не только был несправедливо отстранен от своих преподавательских функций, но и насильственно изгнан из стен Саратовского университета.

The Year 1928 in Professor's Sergey Nikolaevich Chernov Destiny

V. A. Solomonov

This article, based on the wide circle of materials which partly were published before and partly put in use first time, deals with a tragic destiny of professor S. N. Chernov (1887–1941). He was one of the first "bourgeois" intellectuals who found himself in the firing line of the communist party and bureaucracy in 1928 because of his highest human and moral merits. Distinguished scientist and pedagogue was unfairly dismissed from his educational work and violently banish from the university as a result of the fierce persecution.

Имя профессора С. Н. Чернова (1887–1941), как и многих других ученых, работавших на историко-филологическом факультете Саратовского университета в первые годы его существования, навечно вписано в анналы отечественной гуманитарной науки. Декабристовед, краевед, специалист по истории русской науки – он принадлежал к трагическому поколению историков-профессионалов, которые в условиях тоталитарного режима не смогли полностью реализовать свой научный потенциал.

Одним из непреодолимых тому препятствий, по собственному признанию историка, явился для него роковой во всех отношениях 1928 год. «Жизнь моя <...> изуродована и сокрушена 1928 годом», «... в смысле научной работы жизнь неудавшаяся и не давшая того, что в существе дела могла бы дать», – писал С. Н. Чернов П. Г. Любомунову в ноябре 1935 г.¹

С. Н. Чернов, в силу своих высоких человеческих и нравственных качеств, одним из первых оказался на линии партийно-идеологического огня против «буржуазной» вузовской интелли-

генции. При этом следует заметить, что впервые открыто о неминуемых грозных переменах в саратовской жизни ученого заговорила его жена – М. А. Чернова. Уже в апреле 1925 г. она писала матери в Вильно: «...Сережа не хочет порывать с Саратов[ом], хотя рано или поздно там ему делать нечего будет и надо было бы устраиваться более определенно»². А спустя несколько месяцев и сам Сергей Николаевич в письме к С. Ф. Платонову признавал: «В январе трудами нашего "Иуды" (проф. В. Баллода. – В. С.) я был так разгружен от всякой работы в Саратове, что прожил здесь, в Москве, "весну"», занимаясь сбором «материалов к широко задуманной книге об И. Д. Якушкине»³.

Но особенно отчетливо нависшую над университетом тяжелую атмосферу С. Н. Чернов ощутил на рубеже 1927–1928 гг., когда ему объявили самый настоящий бойкот. Внешне он проявился в том, что по наущению «духовных наставников» – декана педагогического факультета профессора В. В. Буша (1888–1934) и читавшего курс истории финансового капитала в России доцента Г. Е. Мерсона (1892–1937) – появилось «коллективное» заявление учащейся молодежи. В нем студенты выражали «явно <...> отрицательное отношение» к Сергею Николаевичу «советской общественности» и «недовольство его преподаванием»⁴. Тем самым был приближен объявленный позже окончательный вердикт: «являться преподавателем Советского Университета не может»⁵.

В данном инциденте С. Н. Чернову была инкриминирована пропаганда среди вузовской молодежи идей великодержавного шовинизма⁶. Однако сам ученый основной причиной обструкции, которой подверглись в университете он, П. Г. Любомунов и В. А. Бутенко, считал глубокое различие между их строго научной системой преподавания и тем практическим, прикладным уклоном, который был придан всей работе университета. В письме С. Ф. Платонову от 12 декабря 1927 г. С. Н. Чернов подчеркивал: «Крайняя по своим выводам и целям группа (ее же пророк Мерсон!) требует ведения практических занятий не по источникам, а по литературе – с привлечением источников лишь для иллюстраций... Должны и делать нечего. Если это осуществится, пойдет насмарку вся долгая предыдущая работа, все контрабандное сохранение в Университете духа

научности! И параллельно с ростом «методических» требований растет и жесткость постановки отношений и вопросов»⁷.

В конце 1920-х гг. машина идейно-политического натиска на историков «старой» школы все больше набирала обороты, о чем свидетельствуют строки черновского письма С. Ф. Платонову: «...о, если бы Вы знали, как безумно тяжело в Университете! Там с новой силой назревает какой-то огромный катаклизм, и я не знаю, какое и как разрешение приобретет ход наших дел и отношений, – но сильно опасаясь безмерных бед: то есть окончательного изгнания научного духа из Университета. Это совершенно верно, что мы его хранили и до настоящего времени донесли контрабандно. Теперь оборотистые руки властно протягиваются к нему, чтобы его с корнем вырвать. <...> Беда придет не в лайковых, а в железных перчатках...»⁸. И тревожное предчувствие не обмануло саратовского ученого. Почти через год «беда» действительно вошла в жизнь как его личную, так и близких ему людей и вошла именно так, как он и предсказывал – «в железных перчатках».

Кульминационное действо по приведению в жизнь плана очищения преподавательских рядов Саратовского университета от «реакционно настроенной профессуры» разыгралось 16 февраля 1928 г. на заседании университетского правления. В этот день В. В. Буш впервые официально и в намеренно жесткой форме заявил о решительном осуждении «советской общественностью» антимарксистских методологических принципов, применяемых С. Н. Черновым в его преподавательской практике. Указав на их чужеродность «требованиям, предъявляемым к современной высшей школе», он поставил вопрос о немедленном устранении ученого из университета⁹.

Выяснить, какими внутренними мотивами руководствовался декан факультета, произнося свою гневно-обличительную речь, зная его «общественно-политическую биографию», думается, не сложно. Стремление В. В. Буша всегда оставаться на верхних ступенях иерархической пирамиды власти, пользуясь ее привилегиями, и боязнь ненароком из-за своего мелкобуржуазного происхождения всего этого лишиться, заставляло его постоянно оглядываться назад и вспоминать собственные «политические заблуждения». Из автобиографического документа В. В. Буша видно, что к безоговорочному принятию большевистской власти он пришел не сразу. Поначалу он «Октябрьскую революцию не понял: мелкобуржуазная идеология, будучи в плену идеологии буржуазной, продолжала делать ставку на буржуазно-демократический парламентский строй, который должен быть установлен Учредительным собранием». Более того, работая в Российской книжной палате, он вместе с другими ее сотрудниками примкнул «к саботажу, охватившему подавляющее большинство буржуазной интеллигенции»,

за что даже «был арестован Ч.К., но быстро освобожден (15–20 дней в декабре) без предъявления <...> каких-либо обвинений». И только после этого В. В. Буш «...решительно включился в советскую работу на основе *сознательного* понимания и принятия принципа Октябрьской революции – диктатуры пролетариата».

Всю последующую жизнь он рьяно доказывал новой власти свою абсолютную лояльность и преданность. Наиболее заметно это проявилось в его работе по организации Ташкентского университета, протекавшей, по словам В. В. Буша, «в атмосфере напряженной борьбы за высшую школу на новых началах, в борьбе против остатков старых академических традиций и в борьбе за реорганизацию истор[ико]-филол[огического] факультета в педагогический». То же самое наблюдалось и в период его службы в Саратовском университете, где в течение шести с половиной лет (с конца 1924 г. по март 1931 г.) он все также «вел решительную борьбу с реакционной частью профессуры и принимал деятельное участие в пролетаризации ВУЗ'а»¹⁰.

Ни у кого из участников того злополучного заседания не нашлось мужества открыто выступить против несправедливого решения по «делу» С. Н. Чернова. Из восьми членов правления, присутствовавших на заранее отрежиссированном политическом спектакле, лишь двое – ректор университета, профессор С. Р. Миротворцев и заместитель декана медицинского факультета приват-доцент Е. С. Иваницкий-Василенко – не обронили в адрес опального историка ни единого осуждающего слова. Но и они в итоге вынуждены были поступиться своей совестью и проголосовать за принятие озвученного В. В. Бушем постановления об освобождении С. Н. Чернова от преподавательской деятельности и исключении его из списка профессоров Саратовского университета. Всеми же остальными конформистами от науки (заместителем ректора С. З. Каценбогеном, проректором по финансово-хозяйственным делам П. С. Рыковым, профессором В. С. Ундревичем, ответственным по студенческим делам Н. А. Герасимовым и предместкома рабочих и служащих университета М. А. Денисовым) данное решение было встречено с единодушным одобрением.

Из всей этой властной когорты лиц выбивался, да и то, как выяснится позже, совсем случайно, один только П. С. Рыков. Полностью разделяя мысль об «устранении проф[ессора] С. Н. Чернова от преподавания, т. к., – по его словам, – все замечания и предложения об изменении методов преподавания по читаемому им курсу не были приняты им во внимание»¹¹, этот человек, тем не менее, сильно опасался подмочить «участием в деле Бутенко-Чернова свою добрую академическую репутацию»¹². Отсюда и всё его показное беспокойство относительно будущего обустройства материального положения «старого друга», проявившееся разве что в осторожном

высказывании во время прений за «сохранение ему содержания до конца учебного года и в дальнейшем создании условий для работы в научно-исследовательских учреждениях, при которых его материальное положение не ухудшилось бы»¹³. Но предпринимать что-либо серьезное он, по-видимому, не собирался. К такому неутешительному выводу приводит письмо П. С. Рыкова А. А. Гераклизову от 21 марта 1928 г., в котором он мимоходом замечал: «С[ергею] Ник[олаевичу] я ничего не пишу, т. к. здесь нет никаких официальных на его счет извещений, но настроение в сферах очень решительное: всякая поддержка для Москвы и ни в коем случае не здесь (для работы). С институтом нашим для него вряд ли что удастся здесь. Лучше ему быть в Москве. Донбасская история еще более подогревает в этом смысле и я вполне понимаю такое отношение к С[ергею] Ник[олаевичу], который, надо сказать правду – да я ему ее и говорил всегда, – что он – мало церемонился в своих отношениях»¹⁴.

Прогибаясь под натиском тяжелых жизненных ситуаций, П. С. Рыков многого не смог разглядеть в характере и поведении С. Н. Чернова. Вряд ли он даже мог предположить, что для Сергея Николаевича «отношения с людьми есть дело глубокой и тонкой интимности»¹⁵, а не разменное средство в достижении личных интересов. И если кто-то из близкого окружения ученого совершал в отношении его самого или дорогих ему людей бесчестный поступок, по сути дела предательство, этот человек воспринимался им не иначе как *persona non grata* и оставался для него таковым навсегда. С таким человеком он порывал всякие прежние контакты, считая выше своих моральных и физических сил не только общаться, но и просто встречаться с ним когда-либо впредь.

Подобная печальная метаморфоза – увы! – произошла и во взаимоотношениях ученого с П. С. Рыковым, принявшим участие в развязывании откровенной травли, устроенной против Сергея Николаевича – его старого университетского товарища и сподвижника по краеведческой работе. Глубже постичь эту драматическую ситуацию позволяет письмо С. Н. Чернова А. А. Гераклизову от 14 октября 1928 г., которое раскрывает суть происшедшего конфликта и природу сложных противоречий, ставших непреодолимой преградой в общении между двумя некогда близкими друг к другу людьми.

Больше всего, как следует из названного источника, Сергей Николаевич был обескуражен двуличием своего коллеги, «ибо он не только лгал мне, говоря одно и делая другое, но и солгал в заседании Правления, сказав обо мне явную неправду», – с возмущением писал С. Н. Чернов. «... Я привык, – замечал он далее, – уважать чужое мнение и чужое поведение, как бы ни были они с моим не схожи, пока они остаются – первое, в рамках искренности, второе, в рамках честности»¹⁶. Однако самым возмутительным и коварным,

как писал С. Н. Чернов, оказалось то, что Павел Сергеевич, «твердя <...> о дружеских чувствах ко мне, рекомендовал мне *сдаться*. Это имело характер заботы обо мне при той передаче его речи, какую он сам давал, но имеет совсем другой характер (характер очень подленькой пассивной самозащиты) при той передаче его речи, какую дает протокол»¹⁷.

Надо сказать, что история с протоколом, а точнее – невероятными трудностями в его получении, и заставила Сергея Николаевича впервые усомниться в искренности слов и поступков П. С. Рыкова. До тех пор, пока ученый не был знаком с его содержанием, он «еще сильно, *на слово*, верил во всем П[авлу] С[ергеевичу]». Даже в свой майский 1928 г. приезд в Саратов С. Н. Чернов еще продолжал ему верить и «в его поведении еще не сомневался. – Он сам своей волокитой с протоколом дал возможность расцвести слабым росткам моих сомнений»¹⁸.

После всего того, что пришлось узнать и испытать С. Н. Чернову в процессе достижения, в сущности, пустяковой цели, ему ничего другого не оставалось, как заявить: «Я считаю его (П. С. Рыкова. – В. С.) поведение с протоколом столь же гнусным, как и во всех других случаях: он, творя гадость за спиной, делал задушевное лицо и выражал дружески нежную заботливость... И его поведение с протоколом было первым, что убедило меня в неискренности его общей линии»¹⁹. Решительно отверг Сергей Николаевич и уговоры А. А. Гераклизова о возможном «объяснении» и примирении с этим человеком. «Неужели же ты думаешь, – писал он, – что я, потеряв веру в П[авла] С[ергеевича] и считая его подлецом, смогу ему по-прежнему *верить на слово*, или стану верить большим и маленьким бушам и тем несчастным канцелярским служащим и служителям, которые всецело во власти П[авла] С[ергеевича] и Кацена [Каценбоген С. З. – В. А.]? Нет, дорогой А[лександр] А[лександрович], ни ему, ни им я верить не стану. А раз не стану верить, зачем же я стану объясняться? Для полировки крови и пищеварения? Для этого с меня достаточно того, что я милостью Кацена и Буша и подлости П[авла] С[ергеевича] перенес и доселе переносу. Да, переносу доселе! <...> ты сам поймешь, что слишком многое требовать от меня стать той ступенькой, на которую вступит своими грязными ногами П[авел] С[ергеевич], чтобы сесть на чистый престол политической беспорочности! И не требуй этого»²⁰.

Несмотря на резкость и бескомпромиссность С. Н. Чернова в оценке позиции П. С. Рыкова в данной ситуации, письмо ученого поражает не столько множеством приведенных фактов, сколько душевной открытостью и высшим благородством, которыми буквально насыщено каждое его слово.

Не имея больше ни сил, ни желания «быть только вежливым», Сергей Николаевич замечал:

«Дело же мое с П[авлом] С[ергеевичем] – дело особое. Я его когда-то очень любил. Давно (даже) очень. Недавно, вспомнив о нем безотносительно к происшедшему, я почувствовал что-то теплое и приятное – и на лице моем появился трепет нежной улыбки. Видишь? Хуже того, у меня и по сей час нет к нему ненависти и я не желаю ему зла. Но я не могу и не хочу его видеть, с ним говорить и общаться, потому что он порвал и растоптал то глубокое и тонкое интимное, что когда-то нас связывало, потому что своим бесчестным двуличием он разрушил во мне большую веру к себе и поднял во мне волны омерзения и презрения. Эти страшные волны, А[лександр] А[лександрович], все выше и выше, все грознее и сокрушительнее. Кого из нас они захлестнут и погубят? Его, меня или обоих? Может быть, мы уцелеем оба, но через них никогда не протянутся друг к другу наши руки. Это навсегда исключено. <...>

Пойми еще раз, что я был слишком близок с П[авлом] С[ергеевичем] и что подлость, им против меня совершенная, слишком велика, чтобы я мог его простить...»²¹.

Столь четко и ясно свои самые потаенные чувства и переживания мог выразить только тот, кто в жизни своей, каким бы тернистым ни казался ее путь, «никогда не делал скорых и тем более скороспелых заключений не в пользу, а во вред человека. В своей основе, – признавался С. Н. Чернов, – я – доверчив. Поэтому мне человек обычно часто рисуется лучше, чем он есть на самом деле. Но, к сожалению, этим не исчерпывается моя беда: я не только доверчив (очень, слишком доверчив!), но и терпелив к чужим грехам; я часто ставлю себя в положение грешащего товарища и со всею искренностью спрашиваю себя: “Ну, а разве я не поступил бы так же, как он, если бы был в таком же, как он, положении?” и всегда, когда по совести не могу ответить: “Нет, я бы так ни за что и никогда не поступил, хотя бы и находился в тяжелых условиях этого товарища”, всегда этого товарища извиняю; так было с Юшковым, Бутенко, Скалдиным и многими и многими другими, с которыми я оставался в добрых отношениях, хотя знал, что они грешили – и иногда грешили сильно. Но вот наступает черта, на которой я говорю: “Нет, я бы этого не сделал”»; так когда-то было с Баллодом, так теперь случилось с Рыковым. Тогда – конечно. И конечно навсегда, на всю жизнь»²².

Что касается П. С. Рыкова, то это событие не сильно его огорчило, хотя, надо признать, несколько подпортило в глазах местной ученой элиты его «добрую академическую репутацию». Не удивительно, что в личном общении с университетскими коллегами он старался эту тему обходить молчанием, а когда не удавалось, вынужден был заявлять: «Мне очень жаль, что мы разошлись с ним (С. Н. Черновым. – В. С.), но честью уверяю, что я здесь невиновен – он мог, прежде ссоры, вернее, молчаливого отхода (с криками и клеветой на

меня) спросить, выяснить все. Теперь пути наши очень далеко разошлись»²³.

Особенно горько и досадно, что из всей этой истории Павел Сергеевич никаких серьезных уроков для себя так и не вынес. Несмотря на свою готовность угождать власти и безмолвно повиноваться любым, даже самым бессмысленным и жестоким партийным указаниям и своему непосредственному начальству, в конце концов, и его не миновал ГУЛАГ, в бездне которого и оборвалась его жизнь»²⁴.

Возвращаясь к событиям 1928 г., связанным с одним из первых случаев насильственного устранения из Саратовского университета С. Н. Чернова, отметим, что сам он сдаваться и мириться с несправедливостью, как ему советовал сердобольный П. С. Рыков, не собирался. Не теша себя иллюзией легкой и скорой победы в борьбе за попранные права, историк, тем не менее, был решительно настроен выяснить истинные причины его устранения и добиться справедливого отношения к его педагогической и научной деятельности. Как узнал Сергей Николаевич от «разных чинов Главпрофобра», непосредственный повод, вызвавший «столь быструю и столь решительную расправу» с ним, нужно искать «не в каких-либо директивах сего учреждения, а в настроениях местной власти; Ал[ексей] Ив[анович] Некрасов пояснил мне, что в особую вину мне поставлена речь на прошлогодней конференции научных работников в Саратове»²⁵. Вместе с тем, пусть слабую, но все же надежду вселял в ученого и пронесшийся по Саратову «слух, что за С[ергея] Н[иколаевича] хлопчет секция Научных работников...»²⁶. Однако уже 4 марта 1928 г. в письме к С. Ф. Платонову он безрадостно констатировал: «“Попечительное начальство” решило участь мою: Г[осударственный] У[ченый] С[овет] во вторник <...> признал, что моя работа в Саратовском Университете должна прекратиться. Правда, – уточнял Сергей Николаевич, – не все так определяют постановление ГУС’а, но так его определил осторожный и уклончивый В. П. Волгин».

По словам обескураженного таким известием С. Н. Чернова, «...ГУС облек свое решение в блестящие одежды: он очень осудил метод действий Правления нашего Университета, дал мне командировку на 6 месяцев и будто бы даже признал нашего фактического ректора С. З. Каценбогена неподходящим быть настоящим ректором ввиду несомненного наличия крупных дезорганизаторских способностей, а по моему адресу – наговорил всяких сочувственных слов. Но, тем не менее, фактически осуществил все домогательства гг. Каценбогенов и убрал меня из Саратовского Университета»²⁷.

Потерпев в этой схватке первую серьезную неудачу, ученый еще упорнее продолжал отстаивать свою правоту, хотя и откровенно признавался в письме С. Ф. Платонову: «никаких устойчивых надежд у меня уже нет»²⁸.

Находясь в Москве, Сергей Николаевич 9 марта 1928 г. направил в саратовское Бюро Секции научных работников губернского отдела Рабпрос очередное официальное заявление. В нем, изложив кратко суть принятого университетским правлением постановления от 16 февраля 1928 г., он писал: «В Саратовском Университете я преподаю с осени 1917 [г.], сначала на положении приват-доцента, затем в должности доцента и профессора. Позволяю себе думать, что на одиннадцатом году моей работы в Университете не случилось ничего, что потребовало бы применения ко мне столь решительной и суровой меры, ни в области моего преподавания, ни в области моих служебных отношений. <...>

Считаю поэтому действия Правления по моему увольнению от службы и немедленному «освобождению» от преподавания совершенно неправильными, прошу Бюро Секции не отказать подвергнуть их рассмотрению»²⁹.

Через два месяца по факту поданного С. Н. Черновым заявления состоялось заседание Бюро секции, результат которого оказался также неутешительным.

В принятой на этом заседании резолюции, подтверждавшей правомочность вынесенного правлением университета решения, подчеркивалось: «Исключительный характер отстранения (до конца учебного года и без формального предупреждения) объясняется Правлением Университета исключительностью создавшейся обстановки <...>, при которой дальнейшее пребывание проф[ессора] Чернова на кафедре могло повести к ослаблению авторитета преподавателей высшей школы, к ослаблению связи профессорских и преподавательских кругов со студенческой массой и др[угим] осложнениям»³⁰.

Но при всем своем отрицательном значении данная резолюция содержала в себе и один очень значимый для С. Н. Чернова положительный момент, свидетельствовавший о том, что в четко выстроенной местными конформистами схеме политического прессинга и манипулирования общественным сознанием имелась-таки брешь. Дело в том, что при обсуждении высказанного председателем Бюро секции научных работников профессором М. И. Райским предложения дополнить текст общей резолюции словами: «но Бюро отмечает, что имевший место способ отстранения проф[ессора] Чернова не является обычным, соответствующим установленному порядку», выяснилось, что абсолютного единomyслия по этому принципиальному пункту у присутствовавших на заседании членов Бюро нет. По итогам голосования резолюция с заранее одобренным в верхах текстом была «принята всеми при одном воздержавшемся», а не прошедшее предварительного согласования дополнение М. И. Райского «отклонено 11 головами против 4-х»³¹. Такой расклад противоборствующих сил не мог, конечно, привести ученого

к желанному успеху. Однако это позволило не только сохранить, но еще более укрепить Сергея Николаевича в мысли, что со злом он сражается не в одиночку. «Я терплю поражение, но буду бороться. Думаю, что выведу на чистую воду всех подлецов и мерзавцев и восторжествую победою», – с завидной решительностью заявлял опальный историк³².

После вынужденного перехода от преподавательской деятельности к научно-исследовательской работе с сохранением до 1 октября 1928 г. полностью университетского жалования³³, С. Н. Чернов еще некоторое время продолжал жить в Саратове и всерьез не планировал отказываться от него. «От Саратова я пока еще не отказался, но мне в нем твердо отказывают. Силы сломаны...», – писал он С. Ф. Платонову³⁴. Но, увы, изменить что-либо в создавшейся ситуации историк не удалось. Не привели к позитивным результатам и его обращения за поддержкой к М. Н. Покровскому и другим влиятельным историкам-марксистам – И. И. Ходоровскому, Н. И. Челяпову, И. К. Лупполу. И в итоге осенью 1928 г. С. Н. Чернов вынужден был навсегда расстаться с университетом и уехать из Саратова.

Примечания

- ¹ Андреева Т. В., Смирнова Т. Г. 1928–1935 годы в судьбе С. Н. Чернова: Письмо С. Н. Чернова П. Г. Любомуру от 9–10 ноября 1935 г. // Деятели русской науки XIX–XX веков. СПб., 2000. Вып. 1. С. 365; Письмо С. Н. Чернова П. Г. Любомуру от [22 ноября 1935 г.] // Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф. 470 (П. Г. Любомуров). Оп. 1. Д. 234. Л. 28.
- ² Письмо М. А. Черновой А. К. Филипповой от 9 апреля 1925 г. // Коллекция документов по истории Саратовского университета В. А. Соломонова (Саратов) (Коллекция В. А. Соломонова).
- ³ Письмо С. Н. Чернова С. Ф. Платонову от 21 августа 1925 г. // Чернов С. Н. Павел Пестель: Избранные статьи по истории декабризма / Сост., вступ. статья, коммент. Т. В. Андреевой и В. С. Парсамова; Под ред. А. Н. Цамутали. СПб., 2004. С. 250.
- ⁴ Протокол № 7 заседания Бюро Секции научных работников от 8-го мая 1928 года // Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО). Ф. 6107. Оп. 1. Д. 407. Л. 41.
- ⁵ Выписка из протокола № 8 заседания правления Саратовского государственного университета, состоявшегося 16 февраля 1928 г. // Там же. Л. 43об.
- ⁶ См.: Күрөньшев А. А. Судьба историка: П. Г. Любомуров. 1885–1935 // Историографический сборник: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2001. Вып. 19. С. 151.
- ⁷ Письмо С. Н. Чернова С. Ф. Платонову от 12 декабря 1927 г. // Чернов С. Н. Павел Пестель... С. 283.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Выписка из протокола № 8 заседания правления Саратовского государственного университета, состоявшегося

- 16 февраля 1928 г. // ГАНИСО. Ф. 6107. Оп. 1. Д. 407. Л. 43–43об.
- ¹⁰ Общественно-политическая биография В. В. Буша канд[идата в члены] ВКП (б) с [19]30 г. Автограф // Отдел рукописей Российской научной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 117 (В. В. Буш). Оп. 1. Д. 28. Л. 9–10об.
- ¹¹ Выписка из протокола № 8 заседания правления Саратовского государственного университета, состоявшегося 16 февраля 1928 г. // ГАНИСО. Ф. 6107. Оп. 1. Д. 407. Л. 43–43об.
- ¹² Письмо С. Н. Чернова А. А. Герасимову от [14 октября] 1928 г. // Отдел рукописей и редких книг Зональной научной библиотеки им. В. А. Артисевич СГУ (ОРРК ЗНБ СГУ). Личный фонд А. А. Герасимова.
- ¹³ Выписка из протокола № 8 заседания правления Саратовского государственного университета, состоявшегося 16 февраля 1928 г. // ГАНИСО. Ф. 6107. Оп. 1. Д. 407. Л. 43об.
- ¹⁴ Письмо П. С. Рыкова А. А. Герасимову от 21 марта 1928 г. // ОРРК ЗНБ СГУ. Личный фонд А. А. Герасимова.
- ¹⁵ Письмо С. Н. Чернова А. А. Герасимову от [14 октября] 1928 г. // Там же.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же.
- ²³ Письмо П. С. Рыкова А. А. Герасимову от 25 июня 1930 г. // ОРРК ЗНБ СГУ. Личный фонд А. А. Герасимова.
- ²⁴ П. С. Рыков был арестован органами НКВД в середине августа 1937 г., а 24 января 1938 г., обвиненный «в причастности к свержению Советской власти и реставрации капитализма путем проведения терактов против руководителей ВКП (б) и Советского правительства», приговорен к 10 годам заключения, с отбыванием наказания во Владлаге, близ г. Владивостока. Здесь он 26 марта 1942 г. и умер. В 1956 г., спустя 14 лет после смерти, П. С. Рыков был полностью реабилитирован и восстановлен в рядах КПСС.
- ²⁵ Письмо С. Н. Чернова С. Ф. Платонову от [кон. февраля – нач. марта 1928 г.] // Чернов С. Н. Павел Пестель... С. 292.
- ²⁶ Письмо Н. Н. Пеннер А. А. Герасимову от 1 марта 1928 г. // ОРРК ЗНБ СГУ. Личный фонд А. А. Герасимова.
- ²⁷ Письмо С. Н. Чернова С. Ф. Платонову от 4 марта 1928 г. // Чернов С. Н. Павел Пестель... С. 286.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Заявление С. Н. Чернова в Бюро Секции научных работников губотдела Рабпрос в Саратове. Москва, 9 марта 1928 г. Автограф // ГАНИСО. Ф. 6107. Оп. 1. Д. 407. Л. 42–42об.
- ³⁰ Протокол № 7 заседания Бюро Секции научных работников от 8-го мая 1928 года // ГАНИСО. Ф. 6107. Оп. 1. Д. 407. Л. 41.
- ³¹ Там же.
- ³² Письмо С. Н. Чернова А. А. Герасимову от 9 сентября 1928 г. // ОРРК ЗНБ СГУ. Личный фонд А. А. Герасимова.
- ³³ См.: Письмо С. Н. Чернова С. Ф. Платонову от 4 марта 1928 г. // Чернов С. Н. Павел Пестель... С. 286–287.
- ³⁴ Письмо С. Н. Чернова С. Ф. Платонову от 12 апреля 1928 г. // Там же. С. 288.

УДК 9(470.44)«1905/1907»

С.Ю. ВИТТЕ И СЛЕД ГАПОНОВЩИНЫ В САРАТОВЕ

Ю.Г. Степанов

Саратовский государственный университет,
кафедра истории России
E-mail: StepanovUG@list.ru

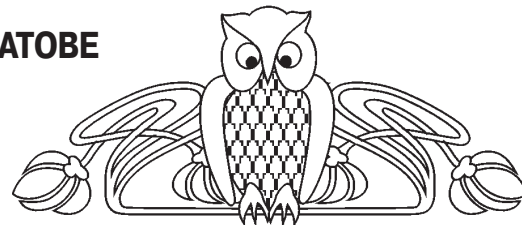
В статье рассматривается политическая деятельность С.Ю. Витте в годы Первой русской революции. Связь Витте с авантюристом Г.А. Гапоном доказывается архивными источниками из фондов Саратовского архива. Вниманию читателей представлен ранее неизвестный материал.

S. Yu. Vitte and Track of Gaponovschiny in Saratov

Yu.G. Stepanov

In article S.Yu. Vitte's political activity within the First Russian revolution is considered. Communication S.Yu. Vitte with adventurer G.A. Gapon archival sources from funds of the Saratov archive. The unknown material is submitted to attention of readers earlier.

«Выдающийся государственный деятель», «крупный политик», «дипломат», «реформатор»

– все эти оценки личности С.Ю. Витте издавна закрепились в отечественной историографии. Но была и другая сторона в деятельности Витте, которая стала предметом интереса историков сравнительно недавно, в том числе и закулисная деятельность председателя Совета министров в годы Первой русской революции.

По складу характера и убеждениям С.Ю. Витте никогда не был сторонником ограниченной монархии. Самодержец, в политической философии Витте, только необходимый компонент механизма власти, но реальная власть не обязательно должна находиться в руках самодержца российского. К Александру III он относился с уважением и опаской, но по аристократически высокомерно. Николая II презирал почти открыто. Подобно британской дипломатии Сергей Юльевич не имел